

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

21

№ 13
(1891)27
января
2006

РОМАН И ГАЗЕТА

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Войнович

до 10.06

Глава сорок седьмая

Стихи прозаика, проза поэта

Предсказание старика Берестова

Уже в то время, в 58-м, я хотел писать не только стихи, но и прозу, а она не получалась. Я бросал свои попытки и снова возвращался к ним. Опять не получалось. Не все поэты со мной согласятся, но я уверен, что проза более сложный род литературы. Все поэты или почти все стремились писать прозу, некоторые даже совсем на нее переходили, но получалось это только у самых лучших. Прозаиков же, как правило, к стихам не тянет, а те из них, кто пописывает стихи, занимаются этим как безвредным и бесполезным хобби.

Сочинение стихов можно сравнить с путешествием по реке в виду берегов, бакенов и прочих ориентиров. Рифма и ритм ведут автора по определенному руслу, подсказывают мысль, образ и поворот сюжета. А проза – открытый океан, где можно повернуть туда или сюда, и не видно никаких преимуществ одного направления перед другим. Проза требует от автора значительных и регулярных усилий, большей усидчивости, лучшей памяти. Писать ее трудно даже физически...

Со стихами я регулярно ходил по разным редакциям, и иногда мне удавалось напечататься в «Московском строителе», «Вечерней Москве», «Московской правде» и даже в просто «Правде». Туда мои стихи отнесла поэтесса Дина Терещенко, и они были напечатаны под рубрикой «Стихи рабочих поэтов» за подписью «В. Войнович, плотник». А в серьезных литературных журналах мне отказывали, приводя разные доводы. Один отказ особенно огорчил и удивил меня. В «Литературной газете» отделом

Сюжет рассказа был такой: Витька и Колька пошли в душ. Услышали шум воды на женской половине, нашли дырку в перегородке. Там стояла неземная красавица. Они восхищенно на нее смотрели, а выскочив наружу, увидели электросварщицу Машу, которой всегда говорили разные скабрезности. И после этого смотрели на Машу не так, как раньше...

поэзии временно заведовал уже известный тогда Валентин Берестов. Он принял меня дружелюбно, но мои стихи, тут же прочтя, отверг, сказав, что это стихи прозаика.

Я спросил: – Что значит «стихи прозаика»? Значит, плохие?

Он сказал: – Нет, очень неплохие, но это стихи прозаика.

Я попробовал возразить: – Но я не пишу никакую прозу. – Значит, будете писать, – уверенно сказал Берестов.

Года через три я встретил Валу (мы уже были приятелями, обращаясь на «вы»), но без отчества) в Тарусе, затащил к себе в комнату, которую там снимал, и прочел ему вслух рассказ, который считал своей большой удачей. Берестов рассказу обрадовался, как мне показалось, даже больше, чем я сам.

– Вот видите! – восклицал он. – Вот видите! Старик Берестов кое-что еще соображает!

Старику было тогда тридцать с небольшим хвостиком.

Лучше Хемингуэя с Шолоховым

Все мои попытки написать что-то в прозе были настолько убогими, что я написанное тут же рвал и выкидывал. Но один текст не порвал и не выкинул. Это был рассказ в полторы машинописные страницы, впоследствии мною утерянный. Назывался неприязненно: «В заводском душе». Сюжет был такой: зимним днем два рабочих подростка, Витька и Колька, пошли в душ. Услышали шум воды на женской половине, нашли дырку в дощатой перегородке. Сначала один прильнул глазом, потом другой, затем стали смотреть поочередно. Там, на женской половине, стояла под душем молодая женщина.

Подростки никогда еще не видели обнаженного женского тела, тем более такой красавицы видеть не приходилось. Она не спеша покрывала себя мыльной пеной, смывала ее, и тогда вода струилась по всем выпуклостям и впадинам ее тела. Витька и Колька, отпихивая друг друга, восхищенно на нее смотрели, а потом быстро оделись и выскочили наружу, чтобы взглянуть, кто эта неземная красавица. И увидели электросварщицу Машу, конопатую, коротконогую и некрасивую, с которой они грубо заигрывали и говорили ей разные скабрезности. Она была в брезентовой куртке, в брезентовых штанах, в байковой юбке поверх штанов и в подшитых коротких валенках. Витька шепотом выругался, но им обоим вдруг стало стыдно. И после этого они смотрели на Машу не так, как раньше, и грубых выражений при ней больше не допускали.

Камил Икрамов, которому я прочел этот рассказ, пришел в полный восторг и объявил мне: – Володька, ты гений!

После чего стал бегать по своим литературным знакомым с сообщением о том, что на его глазах родился большой, замечательный, великий... можете подставить любой самый лестный эпитет, не ошибетесь. Я никогда не был слишком самоуверенным, но каждому молодому литератору на первых порах нужен хотя бы один такой восторженный поклонник.

Знакомые Камилла, зная о его способности увлекаться какими-то людьми, его восторги принимали иронически: – Что он, этот твой, как его, может быть, даже лучше Шолохова?

– Кого? – презрительно переспрашивал Камил. – Да кто он такой, этот ваш Шолохов? Да Шолохов мизинца его не стоит! Камилла спрашивали: – Может, он лучше Хемингуэя?

Тогда в самой большой моде был Хемингуэй.

ГЕННАДИЙ ВОЙНОВИЧ

– Да Хемингуэй по сравнению с ним – тьфу! – говорил Камил.

– А Фолкнер?

– А Фолкнер тем более!..

Камил разочарованно сетовал:

– Мне эти глупые люди надоели. Они живут в мире стереотипов и никогда не заметят свежего дарования, пока им не внушат, что оно действительно дарование. Мы должны показать твой рассказ какому-нибудь большому писателю, который это оценит.

А где взять большого писателя? Самым большим писателем из числа моих знакомых был Григорий Михайлович Левин. Я ему рассказ показал. Он ничего особенного в нем не нашел. И вдруг на стене нашего института появилась афиша, сообщавшая, что такого-то числа состоится демонстрация фильма «Жестокость» по повести Павла Нилина. После сеанса выступят сам Нилин и режиссер фильма Владимир Скуйбин.

– Вот, – сказал Икрамов, – на ловца и зверь бежит. Приходи в кино, потом мы подойдем к Нилину. Я, между прочим, с ним встречался. Он меня вряд ли помнит, но это не важно. Я покажу Нилину твой рассказ. Я уверен, что ему понравится. Он человек со вкусом.

– А Нилин большой писатель? – спросил я.

– Да ты что? Ты не читал «Жестокость»? Он замечательный писатель! Из ныне живущих, я думаю, самый крупный!

Я засомневался: как мы к нему подойдем.

– Подойдем, подойдем, – сказал Камил. – Как-нибудь приблизимся...

Приближение к мэтру

Прежде чем пойти посмотреть фильм, я прочел «Жестокость» – повесть о чекистах, в начале 20-х воюющих с лесными партизанами. Главный герой Венька Малышев – хороший чекист,

он хочет не уничтожать бандитов, а открыть им глаза на советскую власть, народную, мужицкую, гуманную и справедливую. Начальник Веньки – плохой чекист, он считает, что враг есть враг, и в борьбе с ним допустимы любые приемы, включая самые подлые. Борьбу со своим начальником Венька проигрывает и кончает жизнь самоубийством. Повесть по тем временам считалась острой и была очень популярна. Институтский зал, где показывали фильм, был забит до отказа.

После фильма Нилину задали много вопросов, он долго на них отвечал, а мы с Икрамовым терпеливо ждали конца встречи. Но вот на последний вопрос Нилин ответил, попрощался, пошел к выходу, тут Икрамов его и перехватил:

– Павел Филиппович, я Камил Икрамов. Мы с вами недавно знакомились. А это мой товарищ Владимир Войнович. Он написал потрясающий рассказ, и я вас очень прошу прочесть его.

Нилин, к которому с такими просьбами люди обращались нередко, слегка поморщился, но осторожно спросил, длинный ли рассказ. Камил сказал:

– Да всего полторы страницы.

– Ну, полторы страницы я прочту прямо сейчас. Только отойдите в сторонку, не стойте над душой.

Мы отошли, он прочел и махнул нам рукой. Мы подошли.

– Ну что ж, – сказал Нилин, – это написано неплохо, но ничего не стоит. Это упражнения, эскерсисы. Я такие тексты пишу каждый день, но никому не показываю.

Камил, только что говоривший с Нилиным почтительно, переменял тон:

– И это все, что вы хотите сказать молодому автору?

– Ну, а что еще? – Нилин развел руками.

Камил и вовсе посуровел.

– Павел Филиппович, я вам должен сказать, что вы упустили для себя честь открытия большого писателя.

Нилин растерялся и стал бормотать не очень внятно, что может ошибиться, но он так думает. Трудно судить по очень маленькому рассказу, но все-таки это именно упражнение, именно эскерсис...

Я, конечно, расстроился. А Камил еще больше. Мы оделись, вышли на улицу. Камил остановился и остановил меня:

– Слушай, Володька, ты не огорчайся. Подумаешь, кто такой Нилин? Г...! Просто г... – и все!

– Подожди, – сказал я, – ты же сам говорил, что Нилин крупный писатель.

– Кто крупный писатель?! – возмутился Камил так искренне, как будто опровергал кого-то, а не самого себя. – Нилин крупный писатель? Да он просто г... Ты на него эпиграмму не знаешь? Слушай: «В мозгу у Павла Нилина всего одна извилина – и эта пережжена из ж... Пети Сажина». Разве на умного человека такие эпиграммы пишут?

Эпиграмма была злая и несправедливая. Нилин, в отличие от ныне забытого Сажина, был талантливым писателем и человеком очень неглупым. Впоследствии мы с ним на короткое время подружились. Когда я жил в переделькинском доме творчества он, бывало, заходил за мной, и мы вместе гуляли. Нилин говорил, что работает каждый день, рукописями забиты целые шкафы. Но большинство своих текстов он считает именно упражнениями, которые печатать не обязательно. Вот он их и не печатает.

Потом мы долго не виделись. А в 1974 году Нилин был приглашен на заседание бюро объединения прозы, готовившего мое исключение из Союза писателей. Он казался больным и на заседание не явился. Через несколько дней я встретил его около поликлиники Литфонда. Тогда уже многие знакомые при встрече делали вид, что меня не замечают. Нилин заметил и сам ко мне подошел.

– Я знаю, что вам сейчас трудно, вам нужны деньги. Я готов одолжить. Вы их, конечно, никогда не отдадите, но рублей триста могу дать без отдачи. Дать и забыть...

Его предположение насчет моего отношения к денежным долгам было ошибочным. Одалживать я не любил, делал это крайне редко, но, беря, всегда торопился вернуть при первой возможности. Другое дело, что в моей жизни началась полоса, когда я в своей платежеспособности не мог быть уверен.

Я поблагодарил Нилина – и денег не взял.

Продолжение следует